

странство, а только сравнение для передачи страданий мятущейся души одного человека, микрокосма. Мироздание дано не столько визуально, сколько слуховыми образами, голосами бездн, что очень характерно для библейского мышления, как нетрудно убедиться при внимательном прочтении ветхозаветных текстов, описывающих экстаз пророческих состояний. Индоевропейская фольклорная традиция тоже знает множество мудрецов слепых, но они никогда не бывали глухими. На славянской почве отмечено, что в заповеднике древностей — у карпатских верховинцев вплоть до XVII в. игрою на лире обыкновенно сопровождали свое пение слепцы, в числе которых было немало преднамеренно себя ослеплявших¹⁵. В поэтике Пс 41,8 голосовой инструмент бездн — это не примитивное устройство для запираания воды в ирригационных каналах и, впрочем, даже там не издающее никаких звуков, а природный водопад, наподобие описанного гекзаметрами Э. Мерике:

Halte dein Herz, o Wanderer, fest in gewaltigen Händen!
Mir entstürzte vor Lust zitternd das meinige fast.
Rastlos donnernde Massen auf donnernde Massen geworfen,
Ohr und Auge, wohin retten sie sich im Tumult?¹⁶

Неудачно выбранное переводчиком Пс 41,8 слово *хлѣбъ*, подходясь в течение столетий в повседневном обиходе каждого грамотного человека (по церковному уставу Псалтырь в течение суточного круга прочитывается целиком, знание ее наизусть не было редкостью), что дало колоссальный статистический перевес над редкими случаями его употребления в прямом значении, поплатилось за ошибку своей первоначальной семантикой, художественная интуиция носителей языка осуществила преобразование, результат которого зафиксирован Словарем Даля (IV, 554): *хлябь* — 'простор, пустота, глубь, глубина; пропасть, бездна, с понятием о подвижности жидкой среды, в коей она заключена'.

А. С. ЛЬВОВ

ИЗ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

17. Ц.-слав. *нѣкѣчина*

Данное слово стало известным благодаря А. В. Горскому и К. И. Невоструеву, которые обнаружили его в рукописи сп. XIV в. Иоанна Лествичника, где греч. ἐξουθενεῖν оказалось переведенным

¹⁵ Угро-русские народные песни. СПб., 1885, с. 17.

¹⁶ Nieschmidt H.-W. Stürzende Wasser. Zum Motiv des Wasserfalls in Gedichten Stolbergs, Goethes und Mörikes. — Journal of the Australasian Universities Language and Literature Association (Christchurch), 1972, v. 38.

некъчины творити 'ни вочто не ставить', 'упщжжать'¹. В Беседах Иоанна Златоуста к Антиохийцам в рукописи сп. XV в. в переводе греч. οὐδένας εἶναι δοκοῦντες те же исследователи обнаружили: *никчины сѣща мнимѣ* 'никчемным полагают (считают)'². Наконец, в предисловии рукописи сп. 1445 г., по содержанию тождественной Изборнику 1073 г., читаем: (цѣсарь Симеонъ) въжел(авъ) ѡбавити (сѣ)кровеныа разоумы... кнѣгъ прѣмодраго васильа... повелѣм'ниѣ *нѣк'чинѣ* вѣдѣю премѣнж сѣтворити рѣчи инако набдаще тожство разоумъ его... (рукопись хранится в ГПБ под шифром «Кир. Бел. 5/1062», л. 6 об.)³.

Прежде всего об исходной форме слова. Первичным должно быть начертание *нѣк'чина*, что подтверждается написаниями *нѣк'чинѣ* и *никчины*, так как *и* в первом слоге может быть на месте *ѣ* или же представляет чередование *ѣ/и* < *oi/ei. Поэтому написание *е* в первом примере (*некъчины*) является или передачей *ѣ* русским писцом, или же ошибочным написанием. Во втором слоге должна быть буква *ѣ*, что видно из написания *-кѣ-* в первом примере и *-к'ч-* — во втором. Значение *нѣк'чинѣ* (*вѣдѣю*) ясно, это 'недостаточно, неопределенно (знающему)' (*вѣдѣю* от *вѣдѣти* < *uoid- 'знать'). Автору указанного предисловия Симеон поручил составить Изборник; *вѣдѣ* 'знание'. Ср. ω глѣбина богатства и прѣмѣдрости и *вѣди* (Супр. 301, 6--7) — καὶ σοφίας καὶ γνῶσεως. От *вѣдѣ* — *вѣдии* по типу: *сѣдии*, *вѣтии*, *балии* и т. п.

В Изборнике 1073 г. слово *нѣк'чина* отсутствует, вместо него на соответствующем месте читается: *нѣмудроу вѣдиж*⁴. Вероятно, что *нѣмудроу* (*вѣдиж*) употреблено взамен *нѣк'чинѣ* (*вѣдѣю*). Подтверждается это мнение тем, что *мѣдрѣ* с производными: *мѣдрити*, *-са*, *мѣдровати*, *мѣдрость*, *мѣдрѣство* и т. д. — широко употребительное слово в памятниках ст.-слав. и ц.-слав. письменности. Кроме того, *мѣдрѣ* < *mondh — общеславянское слово и.-е. происхождения, и это общеизвестное слово едва ли кто-либо из писцов отважился бы заменить другим. Кроме всего прочего,

¹ Горский А. В., Певоструев К. И. Описание рукописей Московской Синодальной библиотеки, т. II, ч. 2. М., 1859, с. 199.

² Там же, с. 116.

³ С указанной рукописью, обнаружив ее в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря, бегло познакомился проф. С. П. Шевырев и ее предисловие опубликовал не совсем точно в кн.: Шевырев С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь... в 1847 г., ч. 2. М., 1850, с. 31. Точно сверив с рукописью, это же предисловие опубликовал в 1885 г. Л. Мазинг (*Masing L. Studien zur Kenntniss des Izbornik Svjatoslava vom Jahre 1073 nebst Bemerkungen zu den jungeren Handschriften. — AfslPh 1885, VIII, S. 374 e. a.*). Фотокопия упомянутого предисловия опубликована в работе: Кувс К. Симеоновият сборник и неговите потомци. — Годишник на Софийския университет. Факултет по славянски филологии, 1974, т. LXVII, 2, с. 41.

Заметим, что первые два примера включены в словарь со ссылкой на Описание рукописей Синодальной библиотеки, см.: Miklosich LP, S. 429 и 451; *Срезневский* II, стб. 393 и 452. Пример же из предисловия рукописи 1445 г. в словари пока не включен.

⁴ Фотоснимок см.: Кувс К. Указ. соч., с. 42, а также: Обнорский С. П., Баргударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I. Л., 1938, с. 21 (изд. 2. М., 1952, с. 26).

между *немудроу вѣдиш* и *нѣк'чинѣ вѣдию* имеется разница в значении. Первое можно понять как 'знаток немудрый', а второе — как 'недостаточно подготовленный знаток'. Таким образом, вне сомнения то, что в предисловии говорится о малоподготовленном знатоке, а не о знатоке немудром.

Говоря иначе, замена *нѣк'чина* на *немудръ* внесла в текст неточность. Отметим еще следующее: в предисловии сп. 1445 г. читается: пролѣвае акы *средь* сладкоу изъ оустъ свой предь болады. . . В Изборнике 1073 г.: Проливаетъ акы *сѣтъ* сладкъ из оустъ своихъ прѣдъ боларзи. . . Вполне понятен образ: пролѣвае акы *средь* сладкоу, поскольку имеется в виду 'жидкий мед', а как можно проливать соты — непонятно. Слово *средь* в значении 'жидкий мед', 'мед', известно южно- и западнославянским языкам⁵, но его наличие в восточнославянских языках не подтверждается фактами. Ср., например, у Козмы Пресвитера против богомилов: чаша *срьди* налана. . .⁶

Следовательно, в Изборнике 1073 г. произведены замены отдельных слов оригинала.

Однако вернемся к слову *нѣк'чина*. Известны попытки его этимологизации. Первая принадлежит Р. Нахтигалу, который признал, что «образовано это (слово. — *А. Л.*) из *не*, *къ* и *что* с суф. *-ина*»⁷. Автор не пояснил, какой частью речи считает он *-къ-*. Если это местоимение, то не показано, каким образом к нему присоединяется мягкий вариант того же местоимения — *чь*. Если же *къ* предлог, то также неясно, каким образом к нему присоединяется местоимение *чь(то)* в им.-вин. п., а не в дат. п., как это должно быть. Почему тут необходима частица *не-*, вносящая прямое, категорическое отрицание в семантику слова, а не частица *нѣ-*, вносящая неопределенность в семантику местоимения, к которому присоединяется.

Словом, можно констатировать, что Р. Нахтигал недостаточно обосновал предлагаемую им этимологию *нѣк'чина*.

А. Вайан, анализируя данное предисловие, по содержанию являющееся Похвалой царю Симеону, констатировал, что это текст «с редким словом *нѣк'чина*, которое соотнобразует с *ни къ чему быти* (Мф V, 13), в Изборнике (1073 г. — *А. Л.*) оно заменено на *немоудрзи*»⁸.

Здесь возникают те же вопросы, что и по поводу этимологии Нахтигала. Вайан, как видно, *къ* признает предлогом, но не объясняет, почему он присоединяется к местоимению *чь* в им.-вин. п.?

⁵ Miklosich, S. 327; Machek², с. 581 и сл.; Brückner, с. 518; Фасмер III, с. 772, в др.-рус. это слово фиксируется только в памятниках ц.-слав. письменности.

⁶ Vaillant A. Textes vieux-slaves. I. Textes et glossaire. Paris, 1968, p. 121; Давидов А. Речник-индекс на презвитер Козма. София, 1976, с. 283.

⁷ Nahtigal R. Rekonstrukcija treh starocerkvenoslovanskih izvernih pesnitev. — Akademia znanosti in umetnosti v Ljubliani. Filozofsko-filološko-historični razred. Razprave, 1942, I, с. 131.

⁸ Vaillant A. Textes vieux-slaves. II. Traductions et Notes. Paris, 1968, p. 66.

Думаем, что в рассматриваемом слове основой является *нѣкъ-*, широко употребительное в значении 'неопределенный, неясный'. Присоединением же к этой основе или местоимения, или суффикса, или частицы оформляется слово в конкретном его значении. В подтверждение сказанного приведем несколько примеров: прикоснѣ са мнѣ *нѣкъто* (Л VIII, 46 Мар, Ас) — ἤψατό μου τις 'кто-то' — неопределенное лицо). Это значение получается присоединением к *нѣкъ-* указательного местоимения *то*: прѣкъ *нѣкъи* отъ древныхъ въскресе (Л IX, 8 Мар, Зопр) — προφήτης τις 'пророк какой-то' или 'кто-то из пророков'. Здесь к *нѣкъ-* присоединено указ.-личное местоимение *-ѣ*; близъ *нѣкъ'де* въ бани грѣемъ (Супр 92, 16—17) — ἀπό τινος 'где-то', 'в неопределенном для автора месте'. Тут, как видно, к *нѣкъ-* присоединена *-де*, обозначающая место, ср.: *въсьде, овъде, съде, онъде* и т. п.; и въспомнѣвъ бѣвъшею юмоу видѣние *нѣкъгда*... (Супр 283, 7—8) — ποτέ 'когда-то'. Присоединившаяся к *нѣкъ-* частица *-гда* придает основе значение времени: възрѣвъ сѣмо онамо видѣ мѣсто *нѣкако* (Супр 193, 11—12) — τὸν τόπον ἑκαίνον 'место какое-то (неизвестное для смотрящего)'; видѣ... съсѣдъ *нѣкакъ* (Деян X, 11 Слепч) — σκεός τι 'вещь какую-то': приведе са самъ *нѣкака* чиста самоизвольна жрѣтва (Супр 273, 1—2) — τι 'явился самъ как *нѣкака*... жертва'.

В последних трех примерах к основе *нѣка-* присоединяется то же местоимение *къ, ка, ко*. *Нѣкъчина* относится к этой же группе, где к основе *нѣкъ-* присоединено местоимение *-к(ъ)*. Это удвоение (редупликация) *нѣкъкъ-* могло произойти произвольно в целях избежания зияния или же такое удвоение *къ + къ*, характерное для южнославянских языков⁹, существовало в языке так же, как и *нѣ-ка-къ*. Наличие же *ч* вместо *к* закономерно перед *и* (первая палатализация).

Суф. *-ина* придает основе *нѣкъкъ-* значение состояния, но с оттенком сингулятива. По способу образования *нѣкъчина* относится к таким, как *истина, тишина, тѣщина, оунышина, чистина* и т. д. Все они образованы от основ прилагательных, интересующее же нас существительное образовано от основы местоимения, по семантике близкого к прилагательному. Собственно это как будто единственный случай присоединения суф. *-ина* к основе местоимения. Так, в обратном словаре к Материалам Срезневского зафиксировано больше 350 имен с суф. *-ина*, среди которых всего 2 от основы *нѣкъкъ-*: *некъчина, никчина*¹⁰.

Таким образом, рассматриваемое слово обладает рядом характерных особенностей: оно редко встречается, основа включает редуплицированное относительное местоимение *-къкъ-*, указывающее на происхождение его на южнославянской почве; суф. *-ина*

⁹ Miklosich, S. 153; Berneker I, S. 658; БЕР IX—X, с. 111 и сл.; Skok II, с. 7.

¹⁰ Index a tergo do Słownika staroruskiego I. I. Srezniewskiego. Warszawa, 1968, с. 27—30.

присоединился к местоименной основе. По всей вероятности *нѣкъчина* было узким диалектизмом. По этой причине в Изборнике 1073 г. его заменили малоадекватным по семантике словом *немоудръ*.

18. К этимологии тюрк. *qumlaç и слав. *chъmelъ*

Не позднее начала текущего столетия в науке утвердилось мнение, что общеславянское слово *chъmelъ* заимствовано из тюркских языков, конкретно — из болгарского, потомком которого является чувашский язык¹¹. В последнем существует слово *хъмла* [*chъmlá*]¹²; венг. *kombó*, ст.-венг. *qumlou* (XI в.) признается заимствованным из др.-чуваш. *qumlaç 'хмель'¹³. Отметим, что *qumlaç* как название вьющегося растения зафиксировано в известном словаре тюркских наречий М. Кашгарского (XI в.)¹⁴.

По мнению М. Рясянена, корнем, или непроизводной основой, интересующего нас слова является *кит* 'волна', которое в чувашском звучит как *chit*, *chot*. Отсюда-де *кит-ла-к* 'растение, подобное плющу, из области Кыпчак (Qyřaq), из которого готовят напиток на меду; растение это приносят (берут с собой. — А. Л.) на корабль (как талисман. — А. Л.), когда море начинает бушевать и кораблю угрожает опасность, он может затонуть'. Далее автор приводит из словаря М. Т. Хаутсма (*M. Th. Houtsma. Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894*) *qomlaç* 'сильно пенящийся напиток, приготовленный из горячего меда, смешанного с травами (хмелем (?) — А. Л.), подобными стеблям камыша'¹⁵.

Вызывает сомнение предложенное М. Рясяненом членение слова *кит-ла-к* или *кот-ла-ç*, так как с помощью аффикса *-la* в тюркских языках оформляется либо прилагательное, либо глагол¹⁶. Если *китла* прилагательное, то оно может означать 'волнистый', ср. чуваш. *хумлă* 'волнистый': *хумлă юр* 'волнистый снег'¹⁷. Существительное же с тем же аффиксом *-к* должно значить 'волнистость'. Если же *китла* — глагол в значении 'волнует' или 'волнуется', то существительное, образованное присоединением аффикса *-g* к этому глаголу, должно означать 'волнение'. Учитывая эти обстоятельства, трудно понять, как могло появиться название растения *китлак* 'хмель'.

Итак, предложенное М. Рясяненом объяснение процесса образования слова *китлак* в значении 'хмель' от *кит* 'волна' на

¹¹ *Berneker I*, S. 411; *Stawski I*, с. 71; *Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954*, с. 93; *Machek²*, с. 171; *Филин Ф. И. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1968*, с. 171; *Skok I*, с. 674; *Bezlej I*, с. 198 и др.

¹² *Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка, вып. XVI. Чебоксары, 1941*, с. 329 и сл.; *Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964*, с. 292.

¹³ *Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912*, S. 97 с. а.

¹⁴ Древнетюркский словарь, с. 466.

¹⁵ *Räsänen*, S. 299.

¹⁶ Древнетюркский словарь, с. 656.

¹⁷ *Ашмарин Н. И. Указ. соч.*, с. 156.

тюркской почве, на наш взгляд, несостоятельно. Вероятнее всего *kim-lak*, обозначающее 'какое-то вьющееся растение', по-видимому, в том числе и 'хмель', не является собственно тюркским, а представляет собой заимствование из иранских языков, ср. осет. *ximællæg* < *chumlag || *k'umcæl* 'хмель' и 'хмельной напиток'¹⁸; др.-иран. *haōta*, родственное далее др.-инд. *sōta* 'растение' и 'опьяняющий напиток, при приготовлении которого используется сок этого растения'¹⁹. Морд. *komula*, фин. *humala* 'хмель' также совпадают с осетинскими вариантами. Что касается чуваш. *хәмла*, *хомла*, то оно может быть как из ср.-иран. *haumallæg, так и *kaumlæg, потому что в чувашском древнетюркский *к* в начале слов перешел в *ch*, а конечный *g*, *γ* отпал, о чем свидетельствует и венг. *komló*, ст.-венг. *qumlou* (XI в.) — из др.-чуваш., или булг. *kimlay 'хмель'. Однако татар. *котлак*, *котлак* должно быть из чуваш. **cḥṃla*, поскольку в татарском чувашский звук *x* адаптируется как *к*, ср. чуваш. *хәмәл* 'стерня, пожня', татар. *камыл*, чуваш. *хӗрен*, татар. *кӧрән* 'хрен'; чуваш. *хурлӑхан*, татар. *карлыган* 'смородина' и т. п.²⁰ Иначе говоря, в XIII—XIV вв. в отдельных диалектах болгарского языка конечный *g*, *γ*, видимо, еще произносился.

Чуваши, как истые пивовары, конечно, с давних пор знали и употребляли хмель, о чем, как отмечено, бесспорно свидетельствует наличие в венгерском *qumlou* уже в XI в. Показательно, что чувашаи приглашение и отправление в гости связывают со словом *сӑра* 'пиво', ср. *сӑра ёсме кайрӗс* 'отправились в гости', буквально: 'пить пиво ушли'; *сӑра ёсме чӗнчӗс* 'пригласили в гости', буквально: 'пиво пить пригласили'; *ял сӑри* 'название обряда в честь нового урожая', буквально: 'пиво деревни (села)'; *хӗрсем сырлара*, *епир сӑрара* 'девушки по ягоды, а мы в пир', буквально: 'а мы в пиво' и т. п.

Поскольку чуваш. *сӑра* объясняется как иранское или древнеиндийское заимствование²¹, то нет ничего удивительного в том, что и слово *kimlay или *chumlay в чувашском из того же источника.

Тем не менее отсутствуют какие-либо основания для выведения слав. *chъмель* из булг.-тюрк., или др.-чуваш. *chumlay или *kimlay, несмотря на наличие у них общей части *chъm-* < **chum-*²², так как вторая часть рассматриваемого болгарского, или древне-

¹⁸ *Абаев* I, с. 649.

¹⁹ *Bartholomae*, S. 173; *Фасмер* IV, с. 249.

²⁰ *Львов А. С.* О Н. И. Ашмарине и некоторых проблемах генетической связи болгар и чувашей. — В кн.: Н. И. Ашмарин — основоположник чувашского языковедения. Чебоксары, 1971, с. 213.

²¹ *Егоров В. Г.* Указ. соч., с. 183.

²² В памятниках славянской письменности слово *хмель* зафиксировано поздно, только с XII—XIII вв., поэтому оно встречается только в приведенном написании без *ъ* между *х* и *м*, однако о наличии в указанном положении *ъ* свидетельствует ср.-греч. *χόμελτ, χουμέλτ*, ср. лат. *humulus*, англосакс. *hymele*, др.-сев. *hymeli*, которые признаются заимствованными из славянских языков.

чувацкого, слова *-laγ*, *-la* при заимствовании не могла дать в славянском *-elъ* или *-ělъ* (вместо ожидаемого *-lagъ* или *-la*). Это очевидно и не требует каких-либо специальных обоснований. На это обратил внимание еще М. Фасмер, указав со ссылкой на Э. Гомбоца, что «при таком объяснении (т. е. слав. *chъmelъ* из булг. **chumlay*. — А. Л.) возникают трудности фонетического характера, так как славянская форма не соответствует тюрк. форме»²³.

Часть *-elъ* или *-ělъ* в слав. *chъmelъ*, по всем данным, является своим собственным суффиксом так же, как и в словах *ščavelъ*, ср. укр. *щав*, словен. *ščav*, *ščava* 'щавель'²⁴; *kysělъ* от *kysěti*, *kysnǫti*; *košelъ* от *košъ* 'корзина, короб'; *čъmelъ* 'шмель' от звуко-подражательного *čъm-* < **къm-* и т. п. Суф. *-elъ*, *-ělъ* общеславянский; в образовании существительных от основ существительных он имеет соответствия и в прибалтийских языках: древнепрусском, литовском и латышском²⁵.

Что такое начальное *chъm-* в славянском слове *chъmelъ*? Думаем, что оно то же самое, что и иран. *haoma*, *hauma*, *hūm* в том же значении, что и др.-инд. *sōma*²⁶. Об этом же растении речь идет, по-видимому, и в сообщении Гезихия о том, что скифы готовили напиток из медовой воды и определенных овощей (трав) (IV в. н. э.)²⁷. Иначе говоря, слав. *chъm-* является адаптацией иранского *hauma* > **chuma* > **chъm-elъ*. Надо полагать, этим объясняется то, что в анлауте славянского слова находится *ch-*.

Как известно, хмель в древнейших времена употреблялся славянами для приготовления спиртного напитка, называемого *пиво*. Слово *пиво* было обычным у славян уже начиная с середины IX в., когда переводились с греческого языка на славянский церковные книги, ср.: Плъть бо моѣ истинъное естъ брашьно і кръвь моѣ истинъно естъ *пиво* (И VI, 55 Зогр, Мар), последним словом переведено греч. *ποσίς* 'питье, напиток'; блгвн *пициж* *нашиж* і *пиво* (Син. тр. л. 166, 20), . . . τὴν βρώσιν ἡμῶν καὶ τὴν ποσίον. Общеславянское распространение значения 'спиртной напиток' может свидетельствовать в пользу его праславянского происхождения, хотя, конечно, следует учесть, что *пиво*, как культурное слово в значении 'спиртной напиток', могло получить общеславянское распространение и позже. Наличие таких оборотов речи и слов, как *во хмелю*, *хмельной напиток*, *хмельное*, *захмельеть*, *похмелле* и т. п., показывает, что при приготовлении древнего пива, как спиртного напитка, обязательно употреблялся хмель.

Следовало бы ожидать наличие в славянских языках бессуффиксального иранского рефлекса *hauma* > **chuma*, если он заимствован славянами из какого-то иранского наречия. По мнению

²³ Фасмер IV, с. 250.

²⁴ Даль⁴ IV, с. 149 и сл.; Гринченко IV, с. 521; Фасмер IV, с. 495.

²⁵ Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I. Göttingen, 1906, S. 438; Słownik prasłowiański I, с. 108 e. a.

²⁶ Bartholomae, S. 173 e. a.

²⁷ Schrader. Reall. ² I, S. 508; Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław — Kraków, 1957, с. 223.

К. Мошинского, основа слова *hauma* сохранилась в словах с корнем *chum-* со значением 'мять, тискать', как, например, рус. *хумячить* 'тискать, мять', чеш. *chumlati* 'мять'²⁸ и т. д. Однако это предположение Мошинского проблематично и требует специальной проверки.

Что касается присоединения славянского суффикса к основам заимствованных слов, то в этом нет ничего удивительного, так как оно естественно, если слово заимствовано изустно, ср. для примера: *бояринъ* < *боѣр* + *инъ*; *боярскъ* < *боѣр* + *ьскъ* от тюрк. *bajar* 'богатый'²⁹; *лошадь* < *лош-адъ*; *лошак* < *лош-акъ*; *лошага* < *лош-ага*, *лоша* от тюрк. *lašá*³⁰; *коумирь*, *-ръ*; *коумирьскъ*, *коумирьница* от иран. *gæteri* через тюркско-булгарское посредство³¹ и т. д.

В славянских языках общеизвестен переход и.-е. дифтонгов *ai*, *oi* > *и* перед согласным и в конце слова³², поэтому иранское слово *hauma* на славянской почве могло звучать только как *chuma*. При образовании же от последнего вторичного существительного присоединением суф. *-ель* корневой гласный из-за передвижения ударения подвергся редукции, т. е. **chum-ель* > *chъmelъ* так же, как *боудити* — *бѣдѣти*, *зовж* — *зъвати*, *ходити* — *шьдѣ*, *шьль* и т. п.³³. Является вероятным, что заимствованное иран. *chuma* < *hauma* после образования суц. *chъmelъ* присоединением суф. *-ель* к его основе, как лишний дублет, вышло из употребления. Такова же судьба, например, у славян тюрк. *bajar*, переставшего существовать в самостоятельном употреблении и бытующего теперь только как основа слов *бояринъ*, *бояръць*, *бояръство*, *бояръскъ* и т. д.

Словом, едва ли подлежит сомнению, что слав. *chъmelъ* образовалось на славянской же почве из изустно заимствованного иран. *chuma* < *hauma*. Как было указано выше, тюрк. **chumlaγ* или *kutlag* также является заимствованием иран. **haumlāg* или **gaumlāg*. Этим объясняется общность *chъm-* в тюрк. *chъmla* < **chumlaγ* и в слав. *chъm-ель*. Но этот факт, как отмечалось выше, никак не может явиться основанием для того, чтобы считать славянское слово *chъmelъ* заимствованным из тюркских наречий.

²⁸ *Moszyński*. Op. cit., с. 220.

²⁹ Львов А. С. Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы). — В кн.: Славянское языкознание. VII Международной съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 214 и сл.

³⁰ Одинов Г. Ф. Еще раз к этимологии слова *лошадь*. — Этимология. 1972. М., 1974, с. 114—128; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 145 и сл.

³¹ Львов А. С. К этимологии ст.-слав. *коумирь*, *-ръ* εἰδωλου. — Этимология. 1965. М., 1967, с. 189—193.

³² Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 47 и сл.; Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 194 и сл.

³³ Кузнецов П. С. Чередования в общеславянском «языке-основе». — В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. I. М., 1954, с. 46.